

ЧАМНУБУРУНСКИЙ КЛАД МОНЕТ-ИМИТАЦИЙ. К ДАТИРОВКЕ ЗАПАДНОГО УЧАСТКА ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ МАНГУПА

Вопросы истории Мангупа постоянно привлекают к себе исследователей. Причем рассмотрение ее социально-экономических и политических проблем теснейшим образом связано с археологической изученностью городища. В последние годы основным объектом исследований стали оборонительные сооружения, историческая интерпретация и датировка которых являются предметом давней дискуссии¹. Раскопки дали важный материал для установления основных этапов существования крепости и датирования отдельных ее элементов. Было установлено существование трех укрепленных линий².

Первая, внешняя, обеспечивала оборону уязвимых мест полного контура плато, будучи максимально подчиненной своим начертанием естественным рубежам (рис. 1). Вторая, прерывный пояс стен и башен, протянувшийся от юго-западного обрыва до балки Гамам-дере, возведена с меньшим учетом особенностей местности. Наконец, укрепление на мысе Тешкли-бурун, несомненно, являлось цитаделью, выбор места для нее был подсказан естественной структурой плато. Различия в технике сооружения и тактическом решении этих комплексов наглядно свидетельствуют о разновременности их появления. Действующий крепостной узел из трех данных элементов сложился довольно поздно — не ранее превращения крепости в столицу княжества Феодоро (XIV в.). Установление времени функционирования укрепленных рубежей и их тактического назначения — задача, для решения которой необходимо широкое привлечение разнообразных источников.

Несомненный интерес в свете данной проблемы представляют сохранившиеся участки главной линии обороны. Выявление ее ранних строительных остатков и их исследование дают ключевой материал для выяснения времени возникновения крепости. Ее магистральная линия проходила по естественным неприступным обводам плато и дополнявшим их искусственно созданным рубежам, образуя замкнутый крепостной полигон, имевший не линейный, полосный, а прерывистый характер укрепленной полосы, что в целом характерно для горных фортификаций³.

Для исследования главной линии обороны важным районом является западный склос мыса Чамну-бурун. Его территория, самая значительная по площади из всех четырех мысов плато, никогда не подвергалась застройке. Об этом говорит тонкий

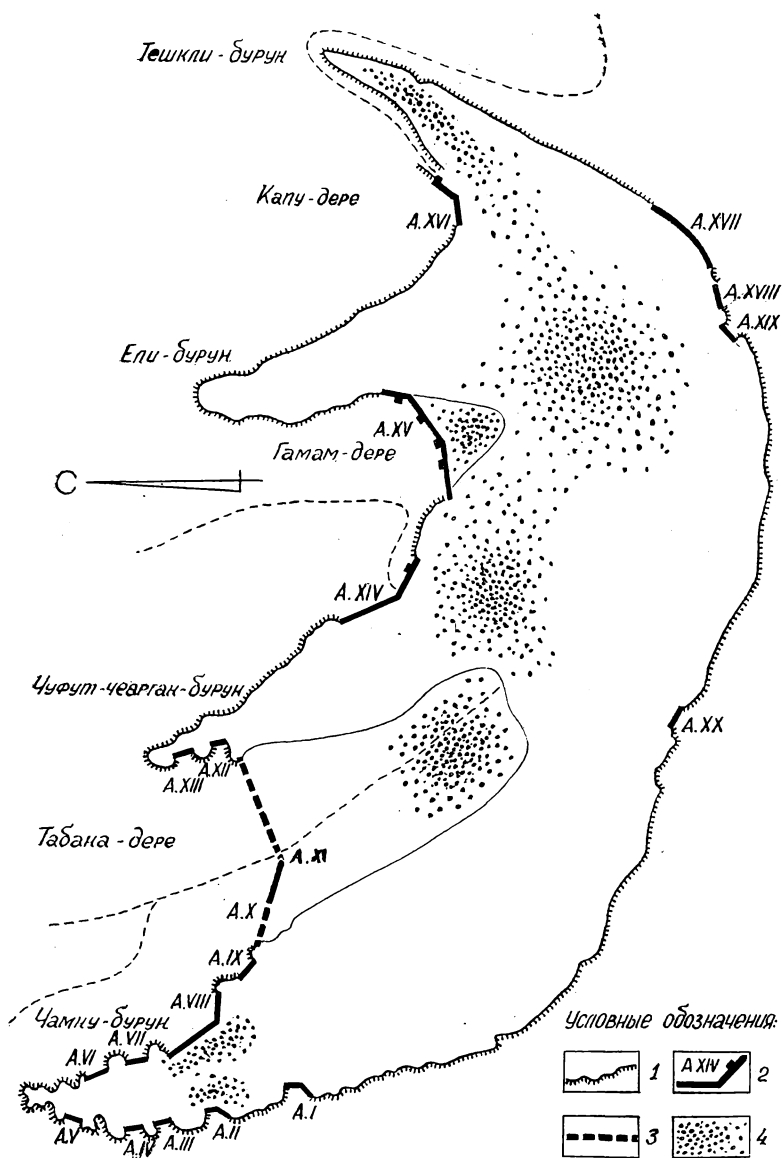

Рис. 1. План оборонительной системы раннесредневекового Мангупа:

1 — скальные обрывы плато; 2 — куртины оборонительных стен; 3 — разрушенные участки стен; 4 — скопления керамики

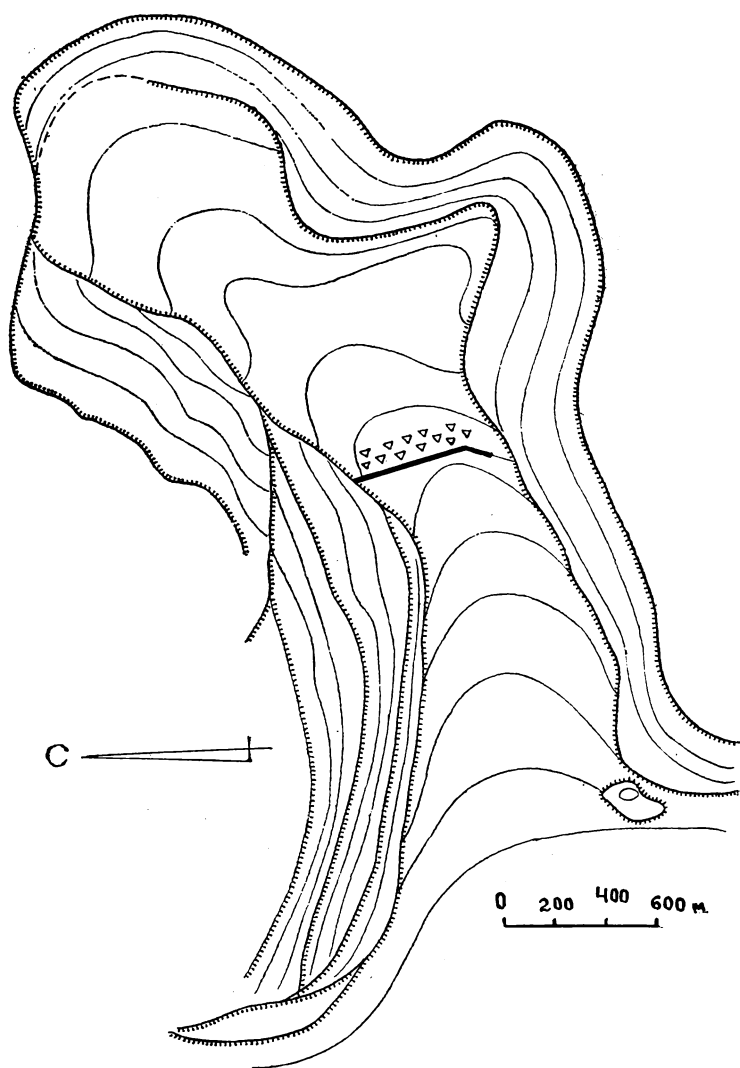

Рис. 2. План расселины с укреплением А. I

дерновый слой наскального перекрытия и редкие невыразительные находки фрагментов керамики. Труднодоступность склонов, удаленность крепостных сооружений от наиболее посещаемой части плато защитили кладки от разрушения в пору угасания поселения и после того, как жители окончательно покинули плато в начале 90-х гг. XVIII в.⁴

Выразительным примером ранней строительной техники и тактического решения, примененных в системе укреплений Ман-

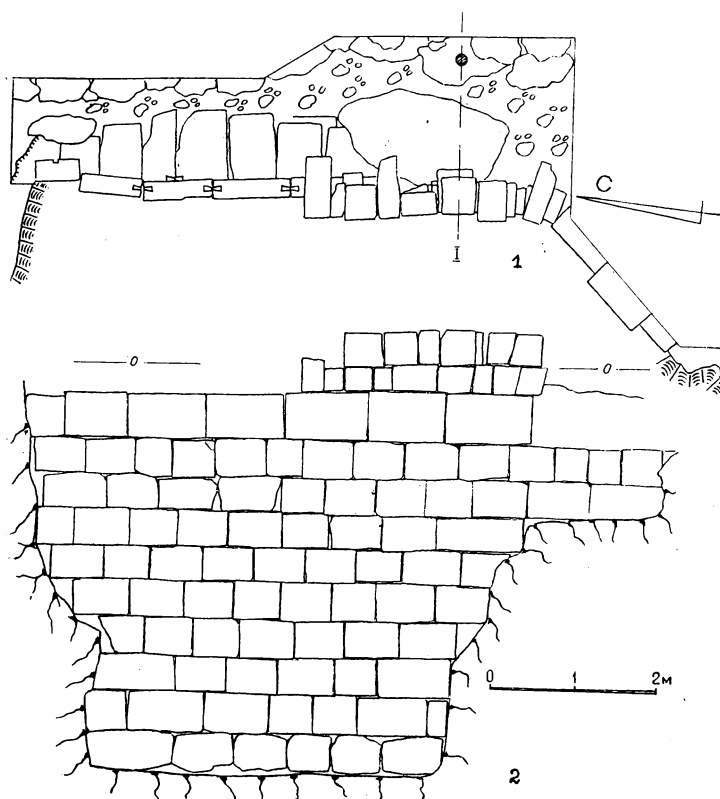

Рис. 3. Укрепление А. I

1 — план; 2 — фасировка стены (вид с запада)

гупа, является защитный рубеж в крайней южной расселине на западном склоне Чамну-буруна (рис. 2—3). В месте нахождения укрепленной линии расселина имеет ширину около 11 м. Выше и ниже по склону она расширяется до 15—20 м. Крутизна склона составляет от 30° до 45° . Края расселины — от стены, расположенной на середине склона, до устья — представляют собой крутые обрывы высотой до 30 м. Местами поверхность в нижней их части имеет следы подрубки, что свидетельствует об искусственном удалении выступов, по которым можно было подняться на плато мыса, минуя оборонительные сооружения.

В устье расселины, при переходе его южного борта в западный обрыв мыса, на отдельно стоящей глыбе известняка был устроен наблюдательный пост. К небольшой площадке на вершине глыбы вели вырубные ступени. Отсюда хорошо просмат-

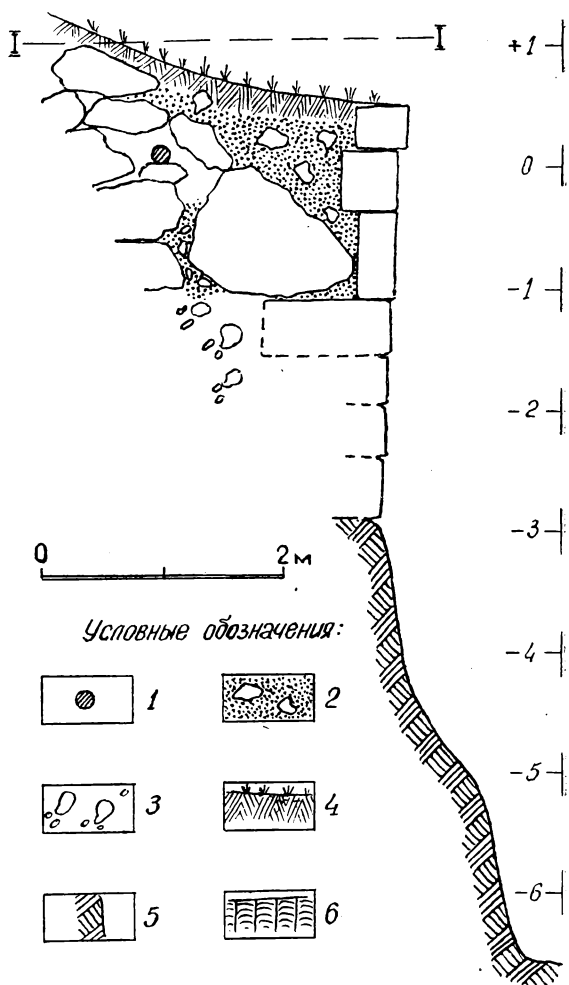

Рис. 4. Укрепление А. I:
1 — клад; 2 — слой натеchnого грунта со щебнем; 3 — бутово-щебневая подсыпка; 4 — дерновый слой; 5 — скала; 6 — обрывы скалы

ривалось подножье обрыва и все ущелье Ураус-дере между Мангупом и Шулданом, по которому мог проходить важный торговый путь, связывавший Херсонес со степными районами полуострова. Такого же рода сигнальный пост известен и на противоположной стороне ущелья⁵. Система таких постов, вероятно, окружала по периметру все подножье обрыва плато.

На северном склоне расселины перед стеной и выше ее гребня на 7—10 м находятся горизонтальные уступы, имевшие, вероятно, оборонительное назначение: метать камни.

Таким образом, неприступность дефиле обеспечивала не только стена, но и ряд других сооружений, предназначавшихся для наблюдения за подступами и флангового обстрела. Последнее

было учтено и в планировке укрепленной линии, возведенной по тенальному принципу (излом оборонительной линии внутрь для достижения лучшего флангового обстрела). Короткий левый фас укрепления, образующий с главным угол 140° , служил ему флангом, компенсируя мертвый угол перед стеной, стоящей на крутом склоне.

Кладка стены сохранилась до уровня боевой площадки. Кроме того, на длинной куртине остался нижний пояс камней бруствера с более поздней надстройкой в южной части (рис. 3). Археологические исследования 1978—1979 гг. позволили выявить конструкцию и строительную периодизацию сооружения. Для его возведения было выбрано самое узкое место расселины. Трещиноватая и непрочная поверхность скалы по трассе стены была выровнена. Затем из хорошо отесанных блоков, средние размеры которых составляют $0,4 \times 0,5 \times 1,1$ м, была выведена стена, выполненная в однорядной постелистой тычковой технике кладки, высотой до 4 м (рис. 2—3).

Судя по верхнему, доступному для наблюдения ряду, блоки скреплялись деревянными связями: хорошо сохранились гнезда пиранов. Признаков известнякового раствора не обнаружено, но он мог быть размыт проточными водами, собираемыми расселиной. Через щели в месте примыкания большой куртины к скале на высоте 1,7 м от основания кладки удалось прозондировать всю толщу стены и установить, что обычной забутовки за панцирем нет. В застенном пространстве находится спрессованный щебень и мелкий бутовый камень, не скрепленные вяжущим раствором. Этот слой доходит до уровня верхнего ряда кладки. Как видно, после возведения стены за ней была сделана щебнево-бутовая подсыпка, снивелировавшая застенное пространство под уровень боевой площадки (рис. 4), однако она не служила валгангом для размещения защитников и установки орудий, поскольку боевая площадка была образована поверхностью верхнего ряда блоков. Ширина площадки без учета толщины бруствера 0,8 м.

О характере бруствера можно судить по сохранившейся нижней части его на длинной куртине. Он сложен из блоков размерами $0,35 \times 0,65 \times 1,0$ м, поставленных ложком. Для связи применялись деревянные скрепы. Второй пояс кладки, вероятно, состоял из подобных же блоков, а общая высота прикрытия достигала 1,3 м при высоте обороны не менее 5,2 м (расстояние от опорной плоскости бруствера до уровня напольной стороны). Учитывая крутизну предполья, этого было вполне достаточно: более высокий парапет затруднял бы военные действия в ближней зоне. Данных о зубчатом венчании бруствера нет, они не выявлены и для остальной главной линии обороны раннего периода.

За боевой площадкой на поверхности подсыпки лежит слой известняковых крупных глыб, некоторые из них имеют в по-

перечнике более 1 м. Они образуют террасу, возвышающуюся над уровнем площадки на 1,4—1,8 м. Камни лежат настолько плотно, что натежная земля между ними почти не проникла. Это, несомненно, искусственное сооружение. Невозможно представить, что глыбы, многие из которых имеют массу около тонны, скатились сверху и задержались у стены. На крутом склоне они должны были смести бруствер.

Верховья расселины, состоявшие из трещиноватого известняка, подвергались постоянному воздействию выветривания и размыва. Это создавало опасность срыва больших скальных блоков. О скатывании крупных камней с западного склона Чамну-буруна свидетельствует П. С. Паллас⁶. Вполне вероятно, что в этих условиях для защиты гребня стены строители уложили на слой присыпанного балласта глыбы известняка, образовавшие террасу. Она служила своего рода улавливателем, а в некоторых случаях и трамплином, перебрасывавшим катящиеся камни через парапет.

Вывод о существовании стены и насыпи-террасы как элемента конструкции укрепления подтверждает глыба, лежащая в южной части боевой площадки куртины. Несомненно, она не могла скатиться сюда с борта расселины, иначе бы бруствер был полностью разрушен, чего на самом деле не наблюдается, хотя глыба опирается на блоки нижнего ряда его кладки. Вероятно, глыба, уложенная в террасу рядом с боевой площадкой и находившаяся в неустойчивом положении, в какой-то момент, возможно, при сейсмическом толчке, достаточно плавно опустилась на нее, вызвав разрушение лишь верхнего ряда кладки бруствера. Позднее на южном фланге длинной куртины, на уцелевших блоках бруствера была выстроена из меньших по размеру камней стена в однорядной, сложной орфостатной системе кладки — тычком и логом. Она сохранилась на высоту двух рядов, обрамляя край возвышенной площадки, образованной насыпью из бутового камня среднего и крупного размеров, компенсировавшей отчасти сокращение боевой площадки и обеспечивавшей проход с террасы на короткую куртину.

Для датировки ремонтных работ, производившихся на стене, а следовательно, и «terminus post quem» — времени возведения самой стены большое значение имеет находка скрытого в полости между глыбами просадки на глубине 1 м от дневной поверхности клада монет-имитаций. Они лежали стопкой на камне с плоской поверхностью, находившемся с восточной стороны глыбы, сползшей на бруствер. Перекрывавшие полость камни образовывали плотный свод, через который почти не проникала земля. Со стороны боевой площадки полость была плотно закрыта камнем средних размеров. Как видно, сокрытие произошло вскоре после оползания или просадки крупной глыбы. Вероятно, последовавшая забутовка южного участка боевой площадки и повышение в этом месте парапета лишили владельца

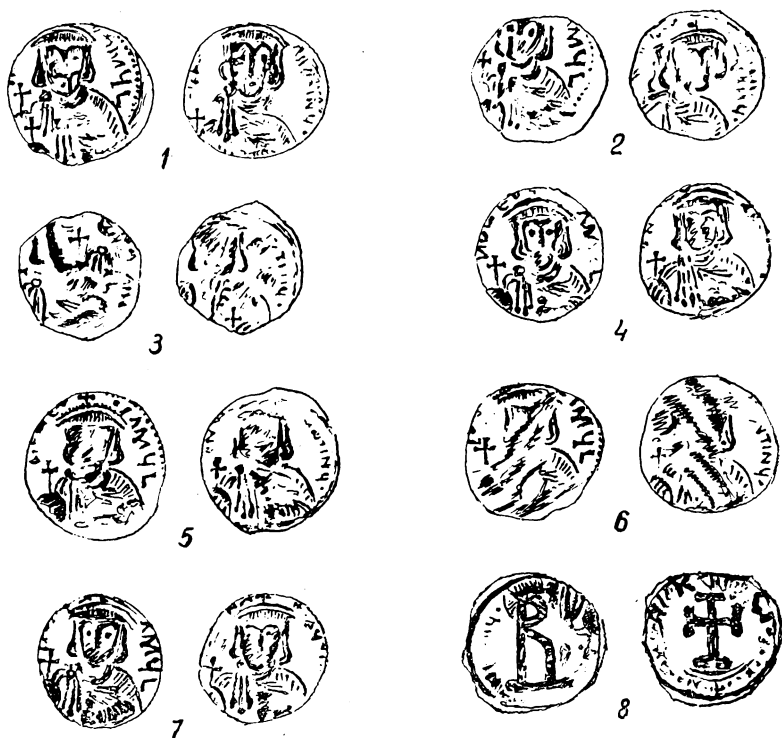

Рис. 5. Монеты чамнубурунского клада:

1—7 — имитации; 8 — литая херсонесская

клада возможности извлечь его. Такое стечение обстоятельств позволяет отождествить сокрытие клада со временем, когда были произведены ремонтные работы на данном участке. Этот клад получил название Чамнубурунского и включает 8 монет:

1. Л. ст.: подражание типу л. ст. солидов Льва III, штемпель А: И — — — АМЧЛ, следы вторичного удара штемпеля Б. Об. ст.: подражание типу об. ст. солидов Льва III, штемпель Б: ... TINЧ., повторный оттиск штемпеля А: — — АМ... Бронза⁷, 18,2—19,7 мм, вес 1,87 г, с. о. ↓ (рис. 5-1).

2. Л. ст.: тот же, тип штемпель А: — — — АМЧЛ, двойной оттиск. Об. ст.: тот же тип, штемпель Б: — — — Нг-двойной оттиск Бронза, 17—18 мм, вес 1,23 г, с. о. ↓ (рис. 5-2).

3. Л. ст.: тот же тип, штемпель А: — — — ЧЛ, двойной оттиск. Об. ст.: тот же тип, штемпель Б: — — — NTINЧ., двойной оттиск. Бронза, 16,3—18 мм, вес 1,34, с. о. ↓, двойной оттиск (рис. 5-3).

4. Л. ст.: тот же тип, штемпель А: ИДЛ ⊆ О ... АМ. Л. Об. ст.:

тот же тип, штемпель Б: N — — — INЧ. Медь, 16,8—17,8 мм, вес 0,94 г, с. о. ↓ (рис. 5-4).

5. Л. ст.: тот же тип, штемпель А: И. L ⊕ O — I AMЧЛ. Об. ст.: тот же тип, штемпель Б: — — — — INЧ. Медь, 18,7—20,2 мм, вес 0,96 г, с. о. ↓ (рис. 5-5).

6. Л. ст.: тот же тип, штемпель А: И D. — — — — AMЧЛ. Об. ст.: тот же тип, штемпель Б: — — — — NTINЧ. Медь, 18—19 мм, вес 0,93 г, с. о. ↓ (рис. 5-6).

7. Л. ст.: тот же тип, штемпель А: N — — — — AMЧЛ. Об. ст.: тот же тип, штемпель Б: N. K — TANTINЧ [·]. Медь, 16,3—18,6 мм, вес 0,92 г, с. о. ↓ (рис. 5-7).

8. Л. ст.: В поверх рельефного изображения, воспроизведенного на литой монете, следы перечеканки, подражающей типу об. ст. монет Льва III, штемпель В (рис. 6-6). Об. ст.: крест с перекрестиями на концах, вокруг следы надписи, поверх изображения и в нижней части поля следы оттиска также подражания типу об. ст. солидов Льва III, но штемпель Г или Б монет 1—7 (рис. 6-5). Бронза, литье, Херсонес⁸, 19—19,8 мм, вес 3,24 г, с. о. ↓ (рис. 5-8, 6-3, 4).

Штемпели исполненных в бронзе или меди подражаний 1—7 тщательно копируют тип золотых монет Льва III. Наиболее характерным при этом является воспроизведение штемпелем Б легенды, в которой последняя буква заменена точкой. Эта особенность позволяет установить прототип подражаний, которым являлся тип солида столичного производства, относимый П. Гриерсоном к 725—732 гг.⁹ Любопытно, что и штемпель В, оттиснутый на херсонесской литой монете 8, также следует этому типу в начертании легенды. Характерные признаки, отличающие изображение императора в оттиске штемпеля В от аналогичного штемпелей А и Б, заключаются в ином исполнении деталей наряда у правого плеча и несколько видоизмененной форме атрибута императорской власти — округлой со скошенным краем сферы (рис. 6-6). Рисунки штемпелей А и Б почти полностью реконструируются по своим оттискам на монетах-имитациях 1—7 (рис. 6-1, 2).

Монеты 1—3 выполнены на кружках желтого сплава, по внешнему виду — бронзы, в отличие от четырех других, медных, битых той же парой штемпелей. Плохо поддающаяся чеканке, возможно, не отоженная после расковки бронза требовала повторных наложений штемпеля для получения четкого оттиска. В результате подобных дочеканиваний все три монеты имеют следы сдвигов штемпеля, причем каждая из сторон монеты 1 повторно оттискивалась противоположным ее первоначальному чекану штемпелем. Следует отметить, что на медных монетах-имитациях наблюдается точное сохранение не только соотношения осей изображений сторон, но и неизменное совпадение центров пары штемпелей при отсутствии их относительных смещений. Как видно, жесткое координирование штемпелей осуществ-

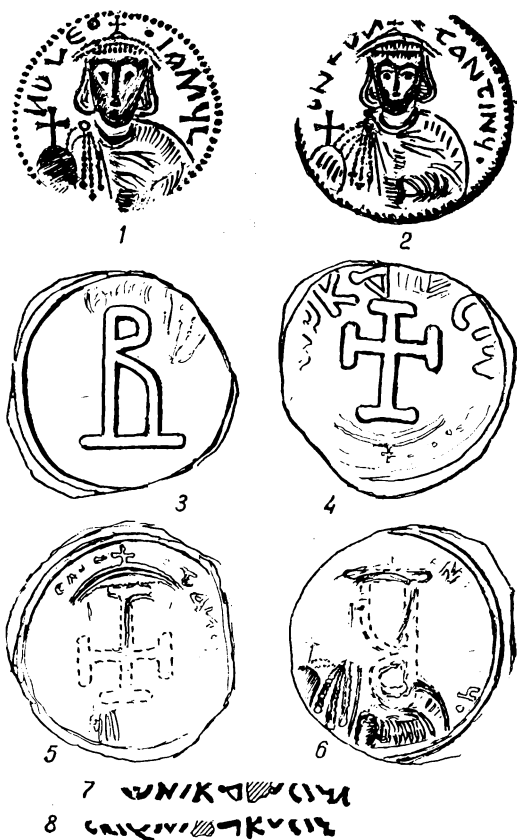

Рис. 6. Чамнубурунский клад:

1 — штемпель А (реконструкция оттиска); 2 — штемпель Б; 3—4 — херсонесская литая монета 8; 5—6 — следы воздействия штемпелями на монету 8; 7 — развертка легенды оборотной стороны монеты 8; 8 — легенда аналогичной монеты, опубликованной А. В. Орешниковым

влялось или их соединением на манер щипцов через боковые стержни и шарнир, или же посредством направляющей штемпель муфты, обеспечивавшей одновременно и координацию осей сторон. Последнее менее вероятно из-за сложности изготовления и подгонки такой конструкции в условиях средневековой провинциальной техники обработки металла, где преобладалаковка. Более определенно можно сказать о штемпелях перечеканки, которые явно сопрягались по прообразу щипцов, на примере монеты 8. Рычаг их соединения при этом был невелик по длине и рассчитанное на тонкий кружок согласование рабочих плоскостей при воздействии последних на утолщенное тело литой монеты не смогло обеспечить параллельность плоскостей изображений сторон. В результате оттиснулась лишь часть монетного кружка, а части изображений на каждой из сторон пришлось на один его край, обращенный к оси подвижного соединения штемпелей.

Как известно, координация или сопряжение штемпелей по-

средством шипцового соединения—явление редкое в нумизматической практике. Его неоправданность при массовом монетном производстве объясняется трудоемкостью изготовления соединений для каждой пары штемпелей при их многочисленности, невозможностью замены прямо в ходе работы изношенного штемпеля при сохранении другого. Неоднократно публиковавшаяся пара штемпелей, сопряженных через шарнирное соединение, происходит из находок на территории Франции. Предназначенные для чеканки монет Константина I с буквами антиохийского монетного двора, но найденные далеко от отмеченного на них места производства, они, по признанному мнению, принадлежали фальшивомонетчику¹⁰. Близкое Чамнубурунскому кладу устройство сопряжения штемпелей, устанавливаемое на основе приведенных наблюдений, не позволяет проводить здесь прямую аналогию. Следует обратить внимание на то, что попытка перечеканки монеты 8 сделана с помощью трех, возможно, четырех штемпелей. Нечеткость оттиска на реверсе херсонесской литой монеты, к сожалению, не позволяет с полной уверенностью отождествить этот оттиск с отпечатками штемпеля В. Тем не менее примечательно использование двух штемпелей с типом оборотной стороны, наложенных на херсонесскую монету. Пожалуй, единственным объяснением такого казуса и самой возможности свободной замены верхнего штемпеля нижним или нижнего верхним может быть использование сменной рабочей части каждого штемпеля, аналогичной известным по групповой находке штемпелей гето-дакийских подражаний республиканским денариям¹¹. Подобное заключение и реконструкция организации производства мангупских монет-имитаций говорят о значительных масштабах чеканки, вполне отвечающих требованиям провинциального монетного двора.

Тщательность исполнения рисунка штемпелей, точность воспроизведения монетного типа вплоть до повторения деталей на разных штемпелях подкрепляют мнение не о частном, а легальном, более организованном характере производства монет-подражаний на Мангупе. Малый вес монет 5—7, размеры и качество оттисков на монетных кружках 1—6,8 создают впечатление о них как о монетах, выбракованных из производства. Возможно, они были предназначены в переплавку, но остались забытыми или спрятанными до накопления необходимого для плавки количества металла. Подобное предположение объясняет и причину, по которой имитации золотых монет не прошли последнюю необходимую стадию изготовления—покрытие слоем позолоты методом амальгамирования.

Находки подражаний золотым византийским монетам, отчеканенным на медных кружках и покрытым позолотой, известны в Юго-Западном Крыму. Две позолоченные имитации солидов найдены В. В. Кропоткиным при раскопках раннесредневекового могильника Чуфут-Кале. Одна из них, менее пострадавшая

от времени и воздействия среды, подражает солиду Константина V Копронима 741—751 гг. чеканки¹². Она происходит из комплекса склепа 110, где вместе с ней находился оригинальный солид Константина V (741—775 гг.)¹³, вторая, пробитая двумя отверстиями, имитация золотой монеты VI—VII вв., из склепа 24.

Вопрос о том, какую роль могли играть позолоченные имитации в Юго-Западном Крыму: участвовали в качестве средства унифицированного варварского обращения наравне с золотыми монетами или выполняли какие-то другие функции — решается однозначно. В византийском Херсонесе золотая монета на протяжении VI—XII вв. активно участвовала в обращении¹⁴. В Юго-Западном Крыму, за пределами Херсонеса (исключая Южный берег), находки золотых монет немногочисленны¹⁵. Совместная находка в склепе 110 под Чуфут-Кале монеты-имитации и солида Константина V Копронима может свидетельствовать об использовании в обращении подражаний золотым монетам. По мнению В. В. Кропоткина, их обращение имело место, начиная с VI в.¹⁶

На наш взгляд, необходимыми условиями участия в обращении монет-имитаций являлось определенное экономическое и политическое обособление территории, отделение ее от юрисдикции Византии. Таким условием могло стать известное по письменным источникам и подтверждаемое археологическими данными временное отпадение от византийского Херсона территорий, оказавшихся под властью хазар¹⁷. Исходя из этого, время обращения позолоченных монет-имитаций может определяться периодом от первого появления хазар под стенами Херсона в 710 г.¹⁸ до событий в Таврике, получивших название «восстание Иоанна Готского»¹⁹, и церковных преобразований VII Вселенского собора 787 г., вслед за которыми Юго-Западный Крым вновь возвращается к провизантийской ориентации. В эти хронологические рамки укладывается датировка известных на сегодняшний день монет-имитаций.

Найденная в составе чамнубурунского клада литая херсонесская монета 8 относится к редкому типу, представленному крайне малым количеством известных экземпляров²⁰. А. В. Орешников²¹, впервые опубликовавший этот тип, разбирал в легенде ее оборотной стороны только три буквы, допуская возможность прочтения в надписи имени «Константин». Сопоставление разверток надписей экземпляра А. В. Орешникова (рис. 6-8) и монеты из чамнубурунского клада (рис. 6-7) приводит к заключению, что обе монеты отлиты в идентичных формах, отличающихся лишь различным расположением непредусмотренных дефектов литья в виде небольших натеков металла.

В легенде херсонесской монеты из клада после плохо прослеживаемой омеги или омикрона достаточно уверенно читаются четыре буквы. Следующая после них каппа поглощена дефектом литья, но она отчетливо видна на экземпляре, изданном

А. В. Орешниковым, далее удастся разобрать еще пять букв. Реконструируемая по двум монетам легенда значительно дополнена: ...ΟΝΙΚΑΚΟСТА... Таким образом, высказанное предположение о прочтении в легенде монеты имени Константина находит подтверждение.

Отсутствие уверенности в восстановлении надписи на опубликованной А. В. Орешниковым монете заставило его воздержаться от каких-либо категорических заключений. Из-за недостаточности данных и сходства изображения бэты на лицевой стороне с подобной буквой на многочисленной группе херсонесских монет, приписываемых Василию I, монета была отнесена ко времени его правления. Между тем собственно бэтой и ограничивается сходство монеты с упомянутой серией, тогда как тип оборотной стороны значительно отличается от них. На рассматриваемой монете изображение креста иное, чем на эмиссиях Херсона времени Василия I. Крест не водружен на какое-либо основание. Это одно из многочисленных изображений так называемого «креста Константина», образ знамени, явившегося императору²². Следует отметить, что тип легенды не находит параллелей в монетной продукции Херсона IX—XI вв.

Находка нового экземпляра монеты с бэтой и легендой вокруг креста в составе клада монет, которые были выпущены в 725—732 гг., но находились в обращении, как мы полагаем, не позднее последней четверти VIII в., позволяет в настоящее время поставить под сомнение принятую датировку этого монетного типа²³.

Обращаясь к атрибуции типа, которому принадлежит литая монета чамнубурунского клада, И. В. Соколова считает, что этому выпуску непосредственно предшествовало обращение также литых монет, повторяющих облик чеканенных полуфолисов с обозначением номинала в 4 единицы (тесаронумис)²⁴. Действительно, монеты, выпускавшиеся продолжительное время и претерпевавшие к концу эмиссии несколько стадий копирования, в результате которого их трехфигурная композиция обрела размытость рельефа и нечеткость изображения, приобретают новый рисунок на лицевой стороне, где рядом с двумя фигурами появляется изображение бэты²⁵. Введение в обращение Херсона литых монет номиналом в 2 единицы (дионумис) заполнило недостающее звено в ряду из четырех номиналов (1, 2, 4 и 8 единиц) аналогично числу их в чеканках столичного двора и монетного двора Фесалоник²⁶.

В датировке монет с трехфигурной композицией, выполненных литьем, мнения расходятся. И. В. Соколова относит их к середине VII—первой четверти VIII в.²⁷, В. А. Анохин — ко второй половине VII в.²⁸, но впоследствии он предложил датировать эти монеты второй половиной VIII в.²⁹ Между тем вопрос о датировке данных монет может быть решен однозначно.

Во время раскопок могильника у высоты Сахарная Головка

в 1952 г. Е. В. Веймарн обнаружил в комплексе склепа 25 литую херсонесскую монету с трехфигурной композицией и дельтой³⁰. Здесь же лежала бронзовая пряжка типа «Сиракузы» (к. о. № 205), что позволяет датировать комплекс временем не позднее конца VII в.³¹ Монета относится к числу наиболее поздних. Находка из склепа 25 подтверждает установленную априорно датировку монет второй половиной VII в. Если исходить из того, что монеты с бэтой на лицевой стороне и надписью вокруг креста на оборотной продолжали этот выпуск, то они должны датироваться первой половиной VIII в., что объективно подтверждается и датировкой чамнубурунскогоклада по имитациям солидов 725—732 гг.

Чтобы окончательно решить вопрос о датировке типа, представленного в кладах литой монетой, обратимся вновь к реконструируемой по двум экземплярам ее надписи. Нам представляются допустимыми следующие прочтение и дополнение: [ЛЕ] ON <1> KA (1) KO(N)CTAN... В таком случае она должна была быть выпущена в правление Льва III в соправительство с Константином в 717—741 гг. Точнее установить время этой эмиссии будет возможно при обстоятельном исследовании всего монетного производства Херсона второй половины VII—VIII вв., где еще остается много спорных вопросов.

Продолжающиеся археологические исследования Мангупа, возможно, дополнят в дальнейшем те немногие данные об организации производства монет-имитаций, которые дает клад. Условия его находки позволяют установить время ремонта участка оборонительной стены на западном фланге обороны: третье — четвертое десятилетия VIII в. Это весьма существенно для проблемы хронологии оборонительного ансамбля в целом. Укрепление Чамну-буруна, несомненно, возводились одновременно с защитными сооружениями в других районах плато, которые в совокупности представляли единый оборонительный комплекс. Можно заключить, что к 30—40-м гг. VIII в. крепость уже существовала, а некоторые ее сооружения успели подвергнуться ремонту.

Выявление на Мангупе центра чеканки монет-имитаций определяет то немаловажное значение крепости, которое она имела для политической и экономической жизни Юго-Западного Крыма в VIII в.

¹ См.: Герцен А. Г. История изучения оборонительного комплекса Мангупа // Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. Свердловск, 1986. С. 88—104.

² См.: Он же. Система оборонительных сооружений Мангупа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. С. 6—7.

³ См.: Он же. Исследования оборонительной системы Мангупа // АО — 1979. М., 1980. С. 261—263.

⁴ См.: Леви-Бобович Т. С. Очерк возникновения кераимизма. Севастополь, 1913. С. 43.

- ⁵ См.: **Репников Н. И.** Материалы к археологической карте Юго-Западного Крыма // Арх. ЛОИА АН СССР. Ф. 10. № 10. Ч. 2. Л. 233.
- ⁶ См.: **Паллас П. С.** Путешествие в Крым в 1793 и 1794 году // ЗООИД. 1881. Т. 12. С. 123.
- ⁷ Определение металла производилось по цвету монет; на желтой поверхности монеты 1 выделяется участок меди, не растворившейся в сплаве.
- ⁸ В настоящее время известно 4 экз. монет данного типа, два из которых находятся в частных коллекциях Севастополя.
- ⁹ См.: **Bellinger A. R., Grierson Ph.** Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Wash., 1973. Vol. 3. P. 257.
- ¹⁰ См.: **Зограф А. Н.** Античные монеты // МИА. 1951. № 16. С. 32. Рис. 14.
- ¹¹ См.: **Преда К.** Принос към гетодакийското монетосечене // Нумизматика (София). 1983. № 3. С. 6. Обр. 3.
- ¹² См.: **Кропоткин В. В.** Могильник Чуфут-кале в Крыму // КСИА. 1965. № 100. С. 114. Рис. 44-3—4.
- ¹³ См.: Там же. С. 114. Рис. 44-1; 45-3а — б.
- ¹⁴ См.: **Гилевич А. М.** Золотые византийские монеты из Херсонеса // СА. 1959. № 1. С. 267; **Костромичева Т. И.** Неизданные золотые монеты из Херсонеса // Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979. С. 126.
- ¹⁵ См.: **Соколова И. В.** Находки византийских монет VII—XII вв. в Крыму // ВВ. 1968. Т. 29. С. 254.
- ¹⁶ См.: **Кропоткин В. В.** Могильник Чуфут-Кале в Крыму. С. 114.
- ¹⁷ См.: **Якобсон А. Л.** Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63. С. 38. Как указывается в цитируемом А. Л. Якобсоном отрывке из «Хронографии» Феодана, после восстания жителей Херсона против Юстиниана II (ок. 710 г.) жители крепостей, расположенных в округе города, «приняли свои предосторожности... и послали к кагану в Хазарию просить войска для охраны своей». Среди крепостей Юго-Западной Таврики, вероятно, находилась и существовавшая уже крепость на Мангупе.
- ¹⁸ См.: **Шестаков С. П.** Очерки по истории Херсонеса VI—X вв. М., 1908. С. 34; **Якобсон А. Л.** Раннесредневековый Херсонес. С. 38—39.
- ¹⁹ См.: **Васильевский Б. Г.** Житие Иоанна Готского // Труды. СПб., 1912. Т. 2. Вып. 2. С. 399; **Баранов И. А.** О восстании Иоанна Готского // Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 159—160.
- ²⁰ См.: **Анохин В. А.** Монетное дело Херсонеса IV в. до н. э.—XII в. н. э. Киев, 1977. Табл. XXIV, 351.
- ²¹ См.: **Орешников А. В.** Херсоно-византийские монеты: Дополнение // НС. 1911. Т. 1. Табл. В. 12.
- ²² См.: **Смирнов А. П.** Выносной чеканный крест греческой работы XI—XII вв. // Древнерусское искусство: Зарубежные связи. М., 1925. С. 37; **Вилинбахов Г. В.** Крест царя Константина в средневековой воинской геральдике Европы // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985. С. 193—194.
- ²³ Традиционная трактовка крупной бэты на лицевой стороне как начальной буквы имени императора имела решающее значение при отнесении монеты ко времени Василия I. Отвергая подобную атрибуцию, мы одновременно ставим под сомнение принадлежность выпускам от имени этого императора всех остальных типов монет херсонесского производства с крупной бэтой на лицевой стороне, которая могла выступать как обозначение номинала в две единицы. Мы обратимся к этому в специальной работе.
- ²⁴ См.: **Соколова И. В.** Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 33.
- ²⁵ См.: Там же. С. 31. Табл. VI, 5; **Анохин В. А.** Монетное дело Херсонеса... Табл. XXIII, 325.
- ²⁶ См.: **Христова З.** Основни моменти в развитието на медното византийско монетосечене VI—X век // Нумизматика. 1985. № 3. С. 26.
- ²⁷ См.: **Соколова И. В.** Монеты и печати... С. 33.
- ²⁸ См.: **Анохин В. А.** Обзор монетного дела средневекового Херсона // НС. 1968. Вып. 3. С. 103.

²⁹ См.: Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса... С. 102—103.

³⁰ См.: Веймарн Е. В. Отчет о работах Инкерманской экспедиции в 1952 г. Могильник у высоты Сахарная Головка, склеп 25. К. О. № 207 // Арх. Отд. археологии Крыма ИА АН УССР. В описи и тексте отчета монета значится как бронзовая «бляшка».

³¹ Ср. с находками пряжек типа «Сиракузы» в комплексах второй половины VII в.: Айбабин А. И. Погребения конца VII—первой половины VIII в. в Крыму // Древности эпохи Великого переселения народов V—VIII веков. М., 1982. С. 187—188.

В. М. ЗУБАРЬ
Институт археологии АН УССР
А. В. РОБУСТОВА

Херсонесский историко-археологический заповедник

ДВА НОВЫХ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ СКЛЕПА ЗАПАДНОГО НЕКРОПОЛЯ ХЕРСОНЕСА

Одной из важных задач советской науки является изучение социальной истории древних обществ, для более глубокого исследования которой в последние годы все чаще используется массовый археологический материал. Первостепенное значение для изучения вопросов социальной стратификации древних обществ имеют погребальные комплексы, количественный и качественный анализ которых в сочетании с использованием новых методов анализа этого материала позволяет значительно расширить источниковую базу исследования и конкретизировать социальную структуру практически всякого древнего общества¹.

Социальная история античного и средневекового Херсонеса до настоящего времени в основном изучалась по письменным и эпиграфическим источникам². Одной из главных причин этого было то, что некрополь этого крупного социально-экономического, политического и культурного центра раскапывался преимущественно в дореволюционный период³. Несовершенная методика раскопок и фиксации открытых комплексов, которая была присуща большинству дореволюционных исследователей, привела в конечном итоге к тому, что материал из некрополя Херсонеса для изучения социального состава населения может быть использован лишь в очень ограниченной степени⁴. Исходя из этого, одной из насущных задач является всестороннее исследование и публикация каждого вновь открытого погребального комплекса, что позволит в дальнейшем широко использовать их не только для изучения материальной и духовной культуры населения, но и социальной истории эпохи средневековья.

В 1983 г. Херсонесская экспедиция Института археологии АН УССР совместно с Херсонесским историко-археологическим заповедником продолжили исследование западного некрополя Херсонеса⁵. В ходе раскопок было открыто около 200 м² грунтового могильника эллинистической и римской эпох, а также два